

**Проблемы, возникающие при восприятии институтов восточного права
западными правовыми порядками**

Научный руководитель – Рыжкова Екатерина Александровна

Ширягина София Сергеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный институт международных отношений,
Международно-правовой факультет, Москва, Россия

E-mail: ssofiashiryagina@gmail.com

А.В. Поляков подчеркивает, что задача правоведения XXI века — поиск путей формирования нового, интегрального типа правового понимания, возникающего на основе диалога всех школ и течений, как западных, так и восточных.

Долгое время в западном юридическом дискурсе господствовал взгляд на восточное право (исламское, индуистское, конфуцианское, африканское обычное) как на явление сугубо архаичное и периферийное. Эта точка зрения, унаследованная от колониальной эпохи с её разделением на «цивилизованные» и «нецивилизованные» народы, маскирует тот факт, что восточные правовые традиции не только сохраняются, но и начинают оказывать всё более заметное влияние на глобальную юриспруденцию. Проблема заключается в том, что западные правовые порядки, сталкиваясь с этими институтами, часто демонстрируют правовую ксенофобию, воспринимая их как угрозу своему порядку.

Рене Давид в своей фундаментальной работе «Основные правовые системы современности» описывал эти системы как самостоятельные, но, по сути, изолированные семьи, констатируя минимальную рецепцию их идей западным правом. Однако прошло более полувека, и геополитический ландшафт кардинально изменился. В XXI веке страны Востока стали локомотивами глобального роста. Согласно данным Всемирного банка и МВФ, экономика Китая с 2000 года выросла в 14,6 раза, Индии — в 7,6 раза, Индонезии — в 8,3 раза. К числу лидеров роста также относятся Вьетнам (13,9 раза) и Эфиопия, чей ВВП увеличился в 19,4 раза.

Усиливаясь экономически, эти страны закономерно наращивают и свою «мягкую силу», частью которой являются их правовые системы. Сегодня уже нельзя говорить о восточном праве как о чем-то далеком — оно проникает в западные правовые порядки по целому ряду каналов.

Следует оговориться, что сам термин «восточное право» является условным, объединяя несколько разнородных семей: мусульманское право (шариат), индусское право (связанное с догматами индуизма), дальневосточное право (с его конфуцианской этикой) и обычное право Африки. Эти системы принципиально отличаются от западного понимания права как системы формальных норм, исходящих от государства. В центре внимания исследователей восточной традиции находится её ярко выраженная связь с обычаями и преемственностью поколений.

Именно это фундаментальное различие порождает основную проблему при столкновении правовых порядков: отсутствие в западной догматике адекватных терминов для осмысления восточных реалий ведет к неизбежным искажениям. Судья западной традиции, сформированной под влиянием римского права и идей Просвещения, зачастую обнаруживает неспособность к аутентичной интерпретации института вакфа или принципа коллективной ответственности. Это обусловлено стремлением рассматривать данные явления через призму знакомых конструкций (например, траста или солидарной ответственности), что искажает их сущность.

Другой причиной столь неактивного заимствования является историческая память правовых институтов. Колониальный опыт, ярко проявившийся в Индии, показал всю сложность взаимодействия. Долгое пребывание Индии под господством Англии привело к парадоксальным последствиям: колонизаторы официально признали авторитет индусского права, но его трансформация под влиянием английского общего права была столь значительной, что привела к сужению области его действия. Британские судьи, слабо знавшие дхармашастры, вынуждены были прибегать к помощи местных пандитов, что нередко приводило к санкционированию устаревших норм. Внедрение судебного прецедента создало уникальный гибрид, названный «англо-индусским правом». Аналогичные процессы происходили и в странах ислама, где, как отмечает Л. Сюкияйнен, рецепция европейского права происходила относительно безболезненно, начиная с XIX века и реформ Танзимата в Османской империи, в результате чего сформировалось «алжирское право» и «англо-мухамеданское» в Индии.

Третья причина — правовая ксенофобия Запада. Как отмечается в исследованиях, в основе межгруппового восприятия лежит принцип категоризации мира через оппозицию «мы» и «они». В политико-правовом аспекте это противопоставление, начавшись с Аристотеля и получив развитие у Ш. Монтескье в анализе восточных деспотий, а затем и в марксистской теории «азиатского способа производства», сформировало устойчивую западную традицию. В её центре стоит конфликт «либерального Запада» и «авторитарного Востока». Эта дихотомия, как подчеркивает профессор Ломакина, породила политико-правовые мифы, проистекающие из либеральной идеи о том, что на Востоке права нет, а восточный деспотизм сделал политическую культуру частью тоталитарной государственности.

Тем не менее, существуют примеры успешной адаптации восточных институтов.

Адаптация исламского финансового инструмента сукук (sukuk) в Великобритании является наиболее показательным примером прагматичной интеграции. Сукук — это исламские ценные бумаги, которые, в отличие от классических западных облигаций, удостоверяющих право на получение процента (запрещенного в исламе как рибха), предоставляют владельцу долю в праве собственности на реальный актив и доход от его использования. Масштаб явления впечатляет: исламские финансы превратились в глобальную индустрию с объемом активов, превышающим 4,5 триллиона долларов, и среднегодовым темпом роста в 10-12%. Их принципы, основанные на этике и привязке к реальной экономике, привлекают инвесторов по всему миру, включая немусульман.

Кроме того, стоит отметить функционирование в Великобритании шариатских советов, выступающих в роли религиозных арбитражных органов для мусульманской общины. Их адаптация в британский контекст основана на принципе правового плюрализма. Их правовая основа двояка. С одной стороны, исламская доктрина (фикх) для мусульман, живущих в немусульманских странах, предлагает концепцию "джамаат аль-муслимин" (совета мусульман), который может действовать как шариатский суд в вопросах личного статуса (брак, развод, наследство), получая авторитет от общины. С другой, британское законодательство (Закон об арбитраже 1996 года) позволяет сторонам добровольно передавать гражданские споры на рассмотрение альтернативных органов.

Таким образом, мы видим, как восточное право может быть успешно адаптировано под столь различные правовые порядки, невзирая на возникающие трудности.

Источники и литература

- 1) Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право, как объект общей теории права // Сов. Государство и право. 1979. № 1. С. 23-35.

- 2) Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : учебное пособие. – Москва: Проспект, 2016. – С. 106–107.
- 3) Ломакина Ирина Борисовна ПОЛИТИКО ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ ВОСТОКА: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. №1 (89)